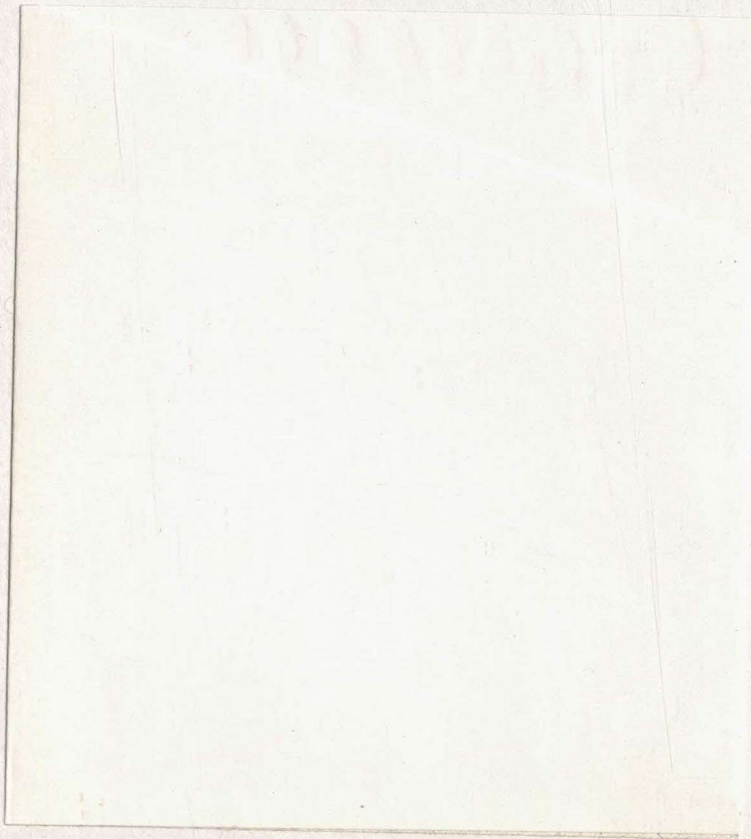

т 20

Мальшев С.
Противникам
Нижегор. ярмарки

M 20

Q 7195.2

и.р. 54г.-872.

16

С. МАЛЫШЕВ.

= ПРОТИВНИКАМ
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ЯРМАРКИ. ==

ИЗДАНИЕ

Нижегородского Ярмарочного Комитета

1925.

06

Нижегородский Ярмарочный Комитет

доводит до сведения всех торговых, промышленных и транспортных организаций, что в целях развития складочного дела на территории Ярмарки, Ярмарком сдаются помещения под **товарные склады** в незатопляемой части Ярмарки на ярмарочный и внеярмарочный период, на краткие и продолжительные сроки.

Обращаться по адресу: Москва, Петровка, 3 (телефон 25-69) или Нижний-Новгород, Ярмарка, Главный дом (телефон 40-39).

100513

С. МАЛЫШЕВ.

Иван Сергеевич
№ 8. М. 1925
ТОРГОВЫЙ
№ 8. М. 1925

К-4410512
Ф 4195.2
31706

= ПРОТИВНИКАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ. =

ИЗДАНИЕ

Нижегородского Ярмарочного Комитета

1925.

Областная универс науч.
Отдел комплектования
им. В. И. Ленина
Смоланд. экз.

ПРОТЯЖИНА
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ

204-13

2

Открытая кампания против Нижегородской ярмарки началась еще в период подготовки к ярмарке 1924-го года. На подготовительных совещаниях при Наркомвнуторге и других государственных учреждениях, синдикаты употребляли все усилия, чтобы заранее ограничить размер своего товарного завоза на ярмарку. И в то же время в печати появился ряд острых статей, доказывающих неудачу ярмарки 1923 г. и ненужность дальнейшего существования Нижегородской ярмарки. Эта «подготовка» к ярмарке сделала свое дело. Товар был завезен на ярмарку в совершенно недостаточном количестве, и в то же время появление в печати статей, направленных против ярмарки, создало на местах разнобой в планах хозяйственных органов и заставило ряд организаций воздержаться от выезда на ярмарку.

На самой ярмарке представители центральных торговых организаций, не считая возможным прямо и открыто выступать против ярмарки, однако немало потрудились над тем, чтобы по возможности сократить ярмарочный торг и лишить ярмарку того громадного значения для потребителей всего Союза, которое она могла и должна была иметь при состоявшемся, несмотря на все противодействующие силы, широком съезде представителей местных государственных и кооперативных организаций.

Не успела ярмарка закрыться, еще не были подведены цифровые итоги ярмарочного торга, как противники ярмарки зашепили без всякого серьезного материала, совершенно огульно, начать опорочивать ярмарку нынешнего года. На этот раз для кампании против ярмарки были использованы столбцы «Торгово-Промышленной Газеты», и против ярмарки были выпущены люди, которые буквально за несколько дней перед тем говорили одно, а по пути от Нижнего до Москвы успели на 180 градусов повернуть свое отношение к ярмарке. Вслед за тем «Торгово-Промышленная Газета» публикует опрос о ярмарке представителей нескольких организаций, руководясь при выборе опрашиваемых единственным принципом: дать слово всем тем, кто будет говорить против ярмарки, и обойти всех, чье мнение может оказаться неприятным для вдохновителей кампании. Только в силу этого принципа в число опрашиваемых попадает, например,

Чаеуправление, обороты которого на ярмарке были совершенно невелики, а между тем газета не удосужилась направить своих интервьюеров, хотя бы в одну кооперативную организацию, несмотря на то, что кооперация явилась основным ярмарочным покупателем.

Нападение на ярмарку с этой стороны было тем более неожиданно, что еще при открытии ярмарки 1924-го года редактор «Торгово-Промышленной Газеты» тов. М. А. Савельев, как представитель советской прессы, заявил: «у нас принято называть прессу особой державой... Наша держава уже более трех лет ведет настоящую войну—кампанию за организацию, развитие и укрепление нашей Нижегородской ярмарки... Я убежден, что вся наша советская пресса и впредь будет с максимальной энергией осуществлять и содействовать тем задачам, о которых вам так много говорили».

После этого легкого ружейного обстрела противники ярмарки выпускают первый артиллерийский снаряд, в виде тезисов Совета государственной промышленности и торговли, не в меру усердные составители которых, без всяких серьезных доказательств, но за то с большой храбростью попытались совсем похоронить ярмарку. Развивая мысли этих тезисов, представитель Совета, на одном из совещаний, договорился до заявления, что ярмарка стала «трупом».

Отпор, полученный со стороны Наркомвноторга и Госплана, заставил храбрых воителей быть поосторожнее и от прямого отрицания ярмарки они переходят на позицию доказательства узко-областного ее значения. И защита этой позиции ведется столь настойчиво и упорно, что мы считаем себя вынужденными, не ожидая выпуска в свет уже подготовленного к печати очередного ярмарочного «Ежегодника», содержащего полные данные о ярмарке,—выступить с настоящим опровержением всех тех басен, которые распространяются о ярмарке, облакаясь иногда в ученую одежду из ложных цифр, извращенных фактов и поверхностного, ошибочного экономического анализа.

Размеры ярмарочного оборота.

Первое, за что хватаются все противники ярмарки,—это уменьшение ярмарочного оборота последнего года по сравнению с ярмаркой 1923-го года. Здесь усматривают и показатель ненужности ярмарки в условиях советской экономики, и продолжение того процесса постепенного падения ярмарки, который имел будто бы место еще в дореволюционную эпоху. Прежде всего, последнее утверждение требует значительных попра-

вок. Данные о стоимости завезенного на ярмарку товара дают следующую картину:*)

1877-86 г.	175	милл.	рублей
1887-96 г.	165	»	»
1897-906 г.	146	»	»
1907-12 г.	193	»	»

т.е. ярмарка пережила в конце 80-90-х годов свой наиболее критический период, когда оборот ее уменьшался и в абсолютных цифрах, а затем снова пошла на подъем, так как торгующие убедились, что в российских условиях наряду с более «европейскими» формами торговли нельзя отказаться и от ярмарки. Характерно, что и крупнейшие фирмы (напр., из текстильных — Э. Циндель, Даниловская мануфактура, Коншин), вынуждены были вернуться на покинутую было ими ярмарку**). В ответ на это наше указание, Торговая Комиссия ВСНХ не нашла никакого лучшего способа опровержения, как играть на разногласии данных различных источников в отношении десятилетия 1877-86 года и совершенно пропустить цифры следующих двух десятилетий, которые только и важны для характеристики вышеуказанного процесса. А указанию на возвращение ряда крупных фирм было противопоставлено указание на продолжавшийся отход других фабрикантов. Но никто и не думал утверждать, что процесс развития ярмарки представлял из себя одну восходящую линию. Напротив, развитие ярмарки шло волнообразно, отходили от нее одни районы,—усиливалось выступление других, отходили одни товары—усиливался торг другими, уменьшался удельный вес одного типа торговцев—усиливалось участие других (более мелких),—но одно оставалось неизменным: ярмарка продолжала быть местом всероссийского оптового торгового значения ее было чрезвычайно велико, и она безусловно продолжала оставаться важнейшим рынком для ряда товаров (кожсырье, пушнина, кустарные товары, персидская бакалея и проч.).

Можно ли говорить о наметившейся тенденции к падению в пределах советского периода ярмарки? Общий оборот ярмарки 1922-го года составил 31 милл. рублей, 1923-го года—209 милл. рублей и 1924-го года—76 милл. рублей. Но для правильного понимания процесса совершенно недопустимо делать какие бы то ни было выводы, оперируя этими голыми цифрами. В обороте 1924-го года около половины (99 милл. руб.)

*) Проф. В. Лексис «Торговля», под ред. и с дополн. М. И. Боголепова, часть 1-я, стр. 128.

***) «Отчет о ходе торговли в Нижегород. ярмарке 1913 г.», стр. 5.

составляют контрактные сделки, из которых многие оказались заключенными без достаточной осторожности и не могли быть выполнены ни одной из сторон. Далее, за период, прошедший между ярмарками 23-го и 24-го годов, цены на все основные ярмарочные товары понизились на 30-40%.

Если принять во внимание все эти поправки, то реальный товарный оборот ярмарки 1924 г. окажется сниженным, по сравнению с оборотом 1923 года, не более, чем на 25% (по исчислениям доклада Раб.-Крест. Инспекции еще менее), а если принять во внимание, что спрос не был удовлетворен по меньшей мере на 50% по вине прежде всего вдохновителей кампании против ярмарки—синдикатов, не давших ярмарке достаточного количества товара и уклонявшихся от всяких контрактных сделок,—то мы получаем совсем порочный круг. Синдикаты не дают ярмарке возможности развернуться до нормальных пределов, а затем сами же поднимают крик о падении ярмарки. Проявив неумение торговать в ярмарку 1923 года и заключив неосторожные сделки,—они начинают кричать против контрактных сделок на ярмарке вообще и уклоняться от тех совершенно реальных, выполнимых и нужных контрактов, которые могли быть заключены в гораздо больших размерах на ярмарке 1924 г., чем это имело место. И это снова ведет к сокращению оборота ярмарки.

Временность причин, обусловивших сокращение оборота последней ярмарки, отмечалась уже не раз. «Безусловно, бестоварие—основной факт этого уменьшения и второй понижение цен, вернее, не понижение цен, а декларация о снижении цен, которая держала ярмарку в напряженном состоянии», указал, например, в своей речи в конце ярмарки тов: Фрумкин («Ниж. Ярмарка 1924 г.», № 43).

Тезисы Торговой комиссии ВСНХ уделяли не мало места доказательству небольшого удельного веса ярмарки в общем товарообороте страны. Но смешно было бы думать, что ярмарка может сосредоточить у себя очень большую часть всего годового оборота. Никогда никому и не приходило в голову, что ярмарка может заменить текущую работу торговых организаций, стать на их место. И в довоенное время стоимость завезенных на ярмарку товаров составляла не более 2% всего товарооборота страны, принимая последний, согласно очень осторожным вычислениям Б. Авилова, для 1913 г. в размере около 9 миллиардов рублей. *) Впрочем, после того как мы сделали соответственное указание в статье, напечатанной в № 25 «Торг.-

*) Б. Авиллов. «Обороты внутренней торговли за 1900 и 23 гг.» в «Экономическом Обозрении» 1924 г., № 8.

Промышл. газеты», Торговая Комиссия, очевидно, не нашла возможным настаивать на этой части своей аргументации.

Таким образом, тезис Президиума ВСНХ о том, что Нижегородская ярмарка падает абсолютно и относительно, надо признать ни в какой мере недоказанным.

Районы тяготеющие к ярмарке.

На эту тему, казалось бы основную при теперешней постановке вопроса о ярмарке (всесоюзная или областная)—противники ярмарки очень не любят говорить, ограничиваясь, если уж никак не возможно обойти ее, указаниями, и притом неизменно неверными, на мелкие факты, будто бы подрывающие всесоюзное значение ярмарки.

Оно и понятно. Цифры упрямая вещь и против очевидности спорить нелегко. Напомним уже частично появлявшиеся в печати данные об участии различных районов в ярмарке 1924 г.

РАЙОНЫ.	Число фирм.	Привоз (в пудах).	Вывоз (в пудах).	Покупка (в тыс. руб.)	Продажа (в тыс. руб.)
1. Северо-Западный	46	131198	97887	979	1326
2. Северо-Восточный	19	10128	48129	603	21
3. Западный	40	16801	32399	157	388
4. Белорусская Республика	11	10177	17808	199	228
5. Централ.-Промышленный	349	532063	656052	6804	5594
Синдикаты и тресты, имеющие обще-госуд. знач.	56			18801	28149
6. Верхне-Волжский	379	531542	153202	6154	6334
7. Татреспублика	118	80610	101550	3300	767
8. Средне-Волжский	151	46187	95463	1240	228
9. Нижне-Волжский	47	412889	123451	3566	1097
10. Вятско-Ветлужский	69	63169	42784	297	1908
11. Уральский	66	402423	127330	1647	5570
12. Башреспублика	18	20487	23579	206	149

РАЙОНЫ.	Число фирм.	Привоз (в пудах).	Вывоз (в пудах).	Покупка (в тыс. руб.)	Продажа (в тыс. руб.)
13. Кирреспублика	22	25784	4560	109	113
14. Центр.-Черноземный	40	60769	112969	833	1148
15. Украина	59	15602	72016	3379	1595
16. Южно-Горно-Промышлен.	27	52468	36056	467	302
17. Юго-Восток	46	75928	73565	2222	871
18. Закавказье	39	617959	64072	910	323
19. Крымреспублика	16	13006	23112	1613	334
20. Туркестан	49	213812	38941	1895	475
21. Бухара	12	32718	11329	2703	3242
22. Хорезм	3	2705	2291	130	24
23. Персия	237	147129	104424	1757	5295
24. Западная Сибирь	9	48382	11900	33	60
25. Кузнецко-Алтайский	20	3043	51764	3670	64
26. Дальний Восток	10	5973	14627	1861	187
27. Ленско-Байк.-Енис.-Якутск.	13	5641	44692	9	12
28. Неизвестный район	206	—	—	323	63
Итого	2177	3578593	2185952	65867	65867

О чем непреложно свидетельствуют эти цифры? Они говорят о тяготении к ярмарке всего Союза Республик, они говорят о том, что ярмарка *уже вполне стала всесоюзной*, и что противники ярмарки *хотят разрушить живой организм всесоюзного торга*.

Мы считаем этот вопрос особенно важным и поэтому перечислим все аргументы, которые приводились в отрицание всесоюзного характера ярмарки.

1. Широкое участие на ярмарке разных фирм нельзя будто бы считать показательным, так как была искусственность в при-

влечении их на ярмарку. Но рассматривая состав участвующих в ярмарке фирм, мы видим, что каждый район был представлен в последнюю ярмарку многими организациями, только немногие отдаленные районы (Хорезм, Западная Сибирь) имели менее 10 представителей, все же остальные—от 11 до 380. Было бы нелепо утверждать, что кто-нибудь «сгонял» на ярмарку местные государственные организации, но кроме государственных организаций, буквально все районы были представлены и кооперацией, и даже частными фирмами, которых уже, наверное, никто искусственно на ярмарку не привлекал. Побуждали ли к приезду на ярмарку только льготные условия кредита, налогового обложения и транспорта? На соответственный вопрос анкеты при экономическом обследовании ярмарки все фирмы, за исключением приехавших из отдаленнейших районов (Дальний Восток, Туркестан) совершенно единодушно утверждали, что скромные ярмарочные льготы давали им, в лучшем случае, возможность покрыть добавочные расходы по ярмарке, иногда удешевить товар, но никогда возможность использования этих льгот не была существенным моментом в решении принять участие в ярмарке. Ярмарочные льготы стимулировали участие в ярмарке и без того тяготеющих к ней районов и организаций, но не создавали искусственного тяготения к ярмарке. Ярмарка не могла удовлетворить вполне съехавшиеся организации, так как недостаток товаров не дал им возможности выполнить закупочные планы; и все-таки громадное большинство местных организаций, как государственных, так и кооперативных, признает крупное значение для них ярмарки. Так, из опрошенных на ярмарке представителей местных торгов, все, за исключением двух, указали на полезность для них ярмарки, и в числе этих торгов мы найдем не только организации прилегающего к Нижнему широкого района (Саратовский Губторг, Татторг, Царпайторг и т. д.), но и торги удаленных губерний, как Полесторг, Севзапторг и проч.

2. Торговая комиссия ВСНХ утверждает, что участие окраин в ярмарочном торге было незначительно, по сравнению с Центрально-Промышленным районом. Для этого утверждения торговой комиссии понадобилось совсем не заметить, что *привоз* Центрально-Промышленного района составляет всего 14,9%, в то время как привоз восточных окраин—28,4%, Урала—11,2% и т. д. Когда же мы указали на эту недомолвку, Торговая Комиссия стала пытаться уменьшить цифру завоза восточных районов, сбрасывая со счетов то завоз остатков Бакинской ярмарки, неизвестно как ею исчисленных, то будто-бы оставшуюся непроданной на Нижегородской ярмарке часть персидской бакалеи. Непригодность этих приемов очевидна всякому,

если принять во внимание, что некоторые остатки были от товаров завезенных из разных районов, и как раз персидская бакалея принадлежала к числу товаров, давших ничтожные остатки (не более 10%). А что касается остатков Бакинской ярмарки, то всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с историей Нижегородской ярмарки, знает, что как раз одной из важных сторон ее является связь с другими ярмарками и возможность более полной реализации товаров, благодаря исключительно широкому рынку. И совершенно неуместна ирония Торговой Комиссии по поводу путешествующих с ярмарки на ярмарку товаров, потому что прибывшая через Баку персидская бакалея пошла дальше совершенно нормальными путями по всем районам. Так, 40,4% вывоза персидской бакалеи падает на Центрально-Промышленный район, 10,5%—на Северный район и 30,5%—на остальные центральные и западные районы, Урал и Сибирь. А обратно в Закавказье не было отправлено ни фунта персидской бакалеи. При этом менее всего надо думать, что доставленная на Нижегородскую ярмарку персидская бакалея в массе своей была переправлена с Бакинской ярмарки, ибо, если бы даже все остатки Бакинской ярмарки были отправлены на Нижегородскую, они бы составили не более 25% из завезенных на Нижегородскую ярмарку 815 тыс. пудов персидской бакалеи. Мудрено спорить и против факта усиливающегося привоза с окраин, если принять во внимание, что в 1923-м году весь завоз восточных окраин составлял 669 тыс. пуд. (16,3%), а в 1924-м году уже 1014 тыс. пуд. (28,4%).

Выполнение ярмаркой ее основной задачи—связи центрального промышленного района с поставляющими сырье окраинами—требует значительного участия центрального района в ярмарочном торге. Некоторая гипертрофия этого участия в ярмарке 1923 года сгладилась в 1924 году. Вывоз Центрально-Промышленного района упал с 35% всего вывоза до 30%; оборот по продаже с 71,2% до 51,2%, по покупке с 57,7% до 38,8%. Но последние цифры не могут быть приняты без оговорок, так как $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{5}$ их составляют обороты организаций *общесоюзного значения*, имеющих правление в Москве, но отнюдь не являющихся фирмами Московскими, и закупленный ими товар в значительной мере идет в другие районы.

И уж совсем юмористически звучит попытка Торговой Комиссии делить весь остальной вывоз на число районов, и определив таким «научным» методом средний размер вывоза каждого района в 3%,—сопоставлять его с вывозом Центрально-Промышленного Района в 30%. Казалось бы не нужно и разъяснять, что число районов—величина условная, оперировать с которой арифметически совершенно недопустимо, и что разве

в шутку можно сопоставлять таким примитивным способом Центрально-Промышленный район с Башреспубликой или Кирреспубликой, не замечая разницы их товарных ресурсов и покупательских возможностей.

3. В резолюции Президиума ВСНХ об ослаблении участия районов говорится совсем уже кратко и совсем непонятно: «ввиду отхода большого числа товаров от ярмарки, в особенности сырья, участие районов, в частности окраин, в ярмарочном товарообороте—невелико». Спрашивается, как увязать аргументацию Торговой Комиссии ВСНХ, исходившую от слабости *вывоза на окраины*, со ссылкой на ослабление *ввоза окраин*? Но последнее утверждение, как мы видели, никак уж нельзя обосновать цифрами.

4. Далее идет совсем «веселая» аргументация. Тезисы Торговой Комиссии утверждали, что 42% всех тканей направлялись с ярмарки 1924-го года обратно в центр и на запад. Когда мы указали на полное несоответствие этой цифры действительности, Торговая Комиссия сообщила, что приведенные данные относятся к 23-му году, как будто с самого начала об этом шла речь, и решила повторить свое утверждение жирным шрифтом, совершенно промолчав об данных 1924 года, когда из общего количества отправленных с ярмарки 143 тыс. пуд. тканей—24,2 тыс. пуд. или 17% пошло в страны Востока, 24,3 тыс. пудов или 17%—в Сибирь и на Дальний Восток, 21,3% тыс. пуд. или 15%—в Приуралье и Прикамье, 20,2 тыс. пудов или 14%—на Юго-Восток и в Крым, 18,7 тыс. пудов или 13,1%—в Поволжье, 9,0 тыс. пудов или 6,4%—на Украину (в том числе 3,2% в Западную Украину) и только 13,3% в Центрально-Промышленный район и 4,2% в остальные западные, центральные и северные районы. При этом еще надо иметь в виду, что часть тканей (18,1%) была доставлена не из Центрально-Промышленного района.

В отношении участия Урала, ответ Торговой Комиссии содержит странные сведения о том, что из 336 тыс. пуд. завезенного с Урала кровельного железа,—*большая часть* осталась непроданной. В действительности в 336 тыс. пуд. завезенного с Урала металлического сырья и полуфабрикатов, входит не только кровельное железо, но и сортовое и друг. виды товаров, а остатки кровельного железа имелись только у Уралмета, показания которого о размере этого остатка сбивчивы и колеблются в разных случаях от 50 до 150 тыс. пудов. Но даже если принять последнюю, максимальную цифру, так все-таки она не столь велика, чтобы, опираясь на нее, говорить о неудачности выступления Урала, как ярмарочного продавца. Этим и исчерпывается

конкретный материал, который должен служить для противопоставления вышеприведенным данным об участии районов.

5. В тесной связи с вопросом об участии районов стоит и вопрос о степени использования водного пути, игравшего видную роль в превращении именно Нижнего-Новгорода в естественное место всероссийского торгова. В. С. Н. Х. не без основания считает этот вопрос существенным и несколько раз пытался уже доказать слабость использования ярмаркой водного пути. Казалось бы такое утверждение невозможно без подкрепления серьезным цифровым материалом, тем более, что цифры-то тут очень простые. А говорят они следующее: в 1922 году привоз по водному пути составил 68,1⁰/₀ всего учтенного привоза, в 1923 году—44,5⁰/₀ и в 1924 году—49,5⁰/₀. Таким образом, пользование водным транспортом уже достигает достаточно внушительной величины, несмотря на то, что в 1924 году внутренние водные перевозки были лишены льготного тарифа, сохраненного по транспорту железно-дорожному. Можно согласиться, что наши хозяйственники не умеют во всех случаях использовать удобство водного пути, но зачем же ставить в укор Нижегородской ярмарке чужие грехи.

Вот и все, что нашлось сказать по вопросу о районах у ВСНХ.

А между тем объективное исследование вопроса об участии в ярмарке разных районов должно привести к следующим выводам: во первых, *активное участие в ярмарке приняли все районы С.С.С.Р.* (см. вышеприведенные цифры).

Во вторых, *ярмарочный товарооборот районов был совершенно нормальный* и в завозе каждого района главную массу составляли основные продукты производства его. Так, в 1924 г. сырьевые товары доминируют в привозе Сибири—86⁰/₀, Дальнего Востока—90⁰/₀, Бухары—91⁰/₀, Хорезма—74⁰/₀, Кир-республики—89⁰/₀; в привозе Туркестана они составляют 46⁰/₀ и персидская бакалея—51⁰/₀; в привозе Крыма сырье—23⁰/₀ и вино—72⁰/₀; персидская бакалея—основной товар в привозе Закавказья—92⁰/₀ и Персии—66⁰/₀ (27⁰/₀ пальмовое дерево); хлеб составляет 87⁰/₀ привоза Башкирии; в привозе Западной Украины—хлеб 32⁰/₀, бакалея—25⁰/₀, выделанные кожи—19⁰/₀, а восточной ее части (Южно-Горного района)—хлеб 39⁰/₀, металлы—23⁰/₀ и москательные-химические товары—24⁰/₀. Из Приволжских районов—в завозе Нижне-Волжского района 49⁰/₀ составляет рыба и 19⁰/₀—металлы; Верхне-Волжского—32⁰/₀ москательные-химические товары, 20⁰/₀—металлы, 12⁰/₀—текстильные, главным образом, кустарные изделия и 10⁰/₀ тоже кустарные изделия из дерева. В привозе Вятско-Ветлужского района—23⁰/₀ текстильное сырье, 30⁰/₀ москательные-химические товары, 22⁰/₀

изделия из дерева; в привозе Урала — металлы 86⁰/₀ и т. д. И наоборот, в привозе Центрально-Промышленного района ткани — 29⁰/₀, затем москательнo-химические товары — 15⁰/₀, металлы — 11⁰/₀, колониально-бакалейные товары — 11⁰/₀; бумага составляет 49⁰/₀ привоза Западного района и 26⁰/₀ — Белоруссии; из первого еще привезены москательнo-химические товары — 18⁰/₀ и текстильные 13⁰/₀; из Белоруссии — силикаты и керамика — 22⁰/₀ и металлические изделия — 23⁰/₀ и т. д. Столь же нормально протекал и вывоз. Так, в Центрально-Промышленный район ушла, главным образом, бакалея (персидская) — 56,1⁰/₀, 13⁰/₀ — кожсырье и меха, 10⁰/₀ — металлического сырья. В Верхне-Волжский 35⁰/₀ бакалеи, 17,2⁰/₀ текстильных товаров, почти исключительно сырья, 15,3⁰/₀ кожсырья и 17,3⁰/₀ москательнo-химических товаров; на Урал вывезено 55⁰/₀ бакалеи, 22,7⁰/₀ текстильных изделий; в Сибирь — 43⁰/₀ бакалеи, 32⁰/₀ тканей и текстильных изделий и 12⁰/₀ — одежды и галантерейных товаров. Бумага и канцелярские принадлежности ушли, главным образом, в Нижне-Волжский район — 22,2⁰/₀ и в Персию — 26,2⁰/₀; силикатные товары на Восток — 31,7⁰/₀, на Урал и в Башкирию — 21,0⁰/₀ и т. д.

Какая же «невнимательность» к объективным данным нужна для того, чтобы наперекор всем цифрам утверждать о бессмысленных перевозках товаров взад и вперед и об отсутствии снабжения через ярмарку окраин промышленными товарами.

В третьих, ярмарка дала возможность установить торговые связи между утратившими их районами. Очень значительное число ярмарочных фирм, около половины всех опрошенных, говорят о получении новых коммерческих связей и нахождении новых рынков сбыта, так, например, фирмы центрального района указывают на получение новых связей с Хорезмом, Бухарой, Персией, Сибирью, Ферганой, Кавказом, Уралом, Украиной; западные фирмы — с Дальним Востоком, Бухарой, Уралом; Поволжские — с Уралом, Сибирью, Донбасом, Туркестаном, Кавказом; восточные — с Уралом, Сибирью, Верхним Поволжьем и т. д. В частности о нахождении новых рынков сбыта говорят 14 из 17 обследованных торгов. И это совершенно понятно; именно для местной промышленности ярмарка открывает совершенно исключительные возможности расширения рынка сбыта ее продукции. Но об нахождении новых рынков говорят и центральные организации.

В четвертых, даже в тех случаях, когда новые рынки сбыта не находились, ярмарка давала возможность ближе познакомиться с требованиями и вкусами различных, особенно окраинных, районов. Данные по вопросу о значении ярмарки для выяснения требований потребителя мы приведем позже.

Восток на ярмарке.

Значение ярмарки в торговле с востоком особенно важно и вместе с тем наиболее бесспорно. Поэтому в эту сторону направлены наиболее ядовитые стрелы противников ярмарки.

«Удельный вес участия Персии в ярмарочном обороте незначителен и характеризуется пассивным балансом», декларирует резолюция Президиума В. С. Н. Х. Прежде всего несколько цифр. Завоз персидских фирм на ярмарку 1922 г. составил 34 тыс. пудов, на ярмарку 1923 г.—187 тыс. пудов и на ярмарку 1924 г.—675 тыс. пудов. Рост достаточно внушительный. В процентном отношении ко всему ярмарочному завозу цифры получаются еще более яркие: 1,0%, 4,0%, 18,9%. Оборот персидских фирм по продаже и покупке в 1924 г. достиг 5,7 миллионов рублей, что составляет заметную величину в общем обороте по торговле Советского Союза с Персией. Оборот же всех восточных фирм составил в 1923 г. 2429 тыс. рублей или 0,7%, а в 1924 г.—16.963 тыс. рублей т. е. уже 12,7%.

Правда, что ярмарочная торговля с Персией характеризуется пассивным балансом, но получился пассивный баланс не от нежелания персидских купцов производить закупки, а от неумения нашей промышленности их спрос удовлетворить. В одних случаях просто не хватало товара, в других не было подходящего ассортимента, или он имелся в недостаточном количестве (мануфактура, фарфоро-фаянсовая посуда), иногда цены оказывались неприемлемыми для персидского рынка, где приходится конкурировать с английскими товарами (мануфактура). В результате многие из перскупцов указывают, что их спрос остался неудовлетворенным по некоторым видам товаров до 50—80%. Что же удивительного, что в результате оказался пассивный баланс? Но и вообще наша торговля с Персией характеризуется до сих пор пассивным балансом, и при том значительно более резким, чем это имело место на ярмарке.

Тезисы отдела торговой и финансовой политики В. С. Н. Х. все-таки с осторожностью подходили к вопросу о торговле с Востоком. Но в заседании Президиума В. С. Н. Х. т. Заммель (к слову сказать, представлявший на ярмарке, по поручению Российско-Восточной Торговой Палаты, интересы восточного купечества) утверждал, будто на ярмарке было всего 5-6 персидских фирм, и эта цифра, увеличенная до 13-ти, стала потом фигурировать и в официальном ответе Торговой Комиссии В.С.Н.Х. Между тем по данным только о тех 142-х фирмах, которые явились на регистрацию, 127—имеют постоянную торговлю в Персии и 15—имеют торговлю в следующих городах Советского Союза: в Полторацке—1,

Баку—8, Астрахани—2, и других городах—4 (данных о постоянном месте торговли остальных зарегистрированных фирм, участвовавших в обороте, привозе или вывозе, но не явившихся на регистрацию,—не имеется).

Мы уже указали выше на те вольности, которые имели место в обращении с цифрами о персидской бакалее—основном товаре персидских купцов. Добавим к этому, что торговля персидской бакалеей уже начинает достигать довоенных размеров. Так, привоз риса в 1913 г. составил, приблизительно, 200 тыс. пудов, сабзы—500 тыс. пудов и других видов персидской бакалеи—100 тыс. пудов, а весь оборот по персидской бакалее—3,5—3,8 миллионов рублей, а в 1924 г. привезено риса 315 тыс. пудов, прочих видов персидской бакалеи—500 тыс. пудов, и оборот с персидской бакалеей составил 3997 тыс. рублей.

Кстати, если-бы действительно на ярмарке не было настоящих перскупцов, так о каком, собственно, пассивном балансе говорит В.С.Н.Х.? Ведь, насколько нам известно, Сухаревка, с которой, по утверждению тов. Заммеля, приехали ярмарочные персы,—иностранный державой еще не объявлена. Конечно, стремление собрать во едино все возможные и невозможные аргументы против ярмарки—похвально, но ведь и логика вещь не вредная.

Противопоставление ярмарке—работы смешанных обществ, в высшей степени преждевременно. Результаты их работы весьма проблематичны и имеется достаточно данных полагать, что, ориентируясь на крупнейших персидских купцов, они отталкивают от торговли с Советским Союзом среднего купца.

Наконец, в арсенале противников Нижегородской ярмарки есть еще один аргумент: если уж надо торговать с Востоком на ярмарке, так это лучше делать в Баку. Но сами же авторы этой аргументации упорно говорят об остатках Бакинской ярмарки, которые пришлось везти в Нижний. И действительно, на Бакинской ярмарке, при меньшем завозе персидской бакалеи, реализация ее прошла значительно слабее, чем в Нижнем, где нашлись покупатели со всего Союза. Но еще важнее, что Баку может служить местом встречи только с персидскими купцами, в то время как Нижний был и должен быть впредь наиболее естественным местом для торговли и с другими странами Востока—Китаем, Монголией, Афганистаном.

Значение Нижегородской ярмарки в торговле с Востоком вполне признавали до настоящего времени и руководители Народного Комиссариата Внешней Торговли. «Здесь Нижегородская ярмарка, вероятно, еще долго сохранит свое значение, и восстановление наших торговых связей с Востоком, в частности

с Персией, стоит в прямой зависимости от Нижегородской ярмарки», писал Л. Б. Красин, подводя итоги ярмарки 1923 г. («Отчетный Ежегодник Нижегородской Ярмарки 1923 года», стр. 48).

А в конце ярмарки 1924 г., зная уже в общем ее ход и результаты, тов. Фрумкин заявил: «для установления связи с Востоком нам совершенно необходим известный обмен на территории Нижегородской ярмарки» («Нижегородская ярмарка 1924 г.», № 43).

И, очевидно, какое-то недоразумение кроется в газетном сообщении о том, что отношение Наркомвнешторга к ярмарке вдруг повернулось в прямо противоположную сторону.

Сырье на ярмарке.

Недостаток на ярмарках истекших годов сырьевых товаров приводит в особенно большое умиление всех противников ярмарки. Послушавши их, можно подумать, что на сырьевом рынке у нас все обстоит благополучно и нет необходимости искать путей для усиления торговли сырьем. Между тем казалось бы прежде всего надо вспомнить, что общее положение нашего сырьевого рынка характеризуется крайним недостатком сырьевых товаров и, понятно, что это явление находит свое полное отражение на ярмарке. То недостаточное количество сырья, которое имеется сейчас на внутреннем рынке, пока в значительной мере удастся собрать нашим заготовительным организациям, но по мере расширения сырьевого рынка и увеличения капиталов местных организаций, последние также должны будут принять и примут участие в сырьевых заготовках, и тогда ярмарка, расположенная на рубеже сырьевых и промышленных районов, снова станет естественным местом для концентрации сырья. Уже и теперь ряд местных организаций с Востока и с Поволжья (Упсырзаг Туркеспублики, Назират торговли и промышленности Хорезма, Самарский губсоюз)—придают большое значение ярмарке для развития своих сырьевых операций.

Еще большие перспективы должны быть намечены перед ярмарочным сырьевым рынком, если принять во внимание возможность развития через ярмарку торговли с иностранными восточными государствами, которые всегда были поставщиками значительных масс сырья на старые ярмарки. *Задержка в привозе сырья из Китая на последнюю ярмарку была чисто искусственный.* Китайские купцы везли значительное количество шерсти и кожсырья, но товар этот без всяких законных оснований был задержан в пути представителем Наркомвнешторга, применившим совершенно недопустимые меры, и купцы

потерпели значительные убытки. Материалы по этому делу переданы нами в Наркомвнуторг для привлечения виновных к законной ответственности. Не удивительно, что неудача первой попытки должна была заставить и других иностранных держателей сырья воздержаться от завоза его на ярмарку. Тем не менее уже сейчас, задолго до начала ярмарки, в Ярмарочный Комитет поступили заявления от западно-китайских купцов о намерении их привезти на Нижегородскую ярмарку до 100 тыс. пудов шерсти, кожсырья и хлопка. Конечно, если и на этот раз дело кончится одними убытками, можно в конце концов сорвать выступление на ярмарке восточных купцов. Но неужели же это будет в интересах развития нашей промышленности и нашей внешней торговли?

Чисто временный характер носит также повторяемый часто аргумент о невозможности резервировать сырье в течение года для последующих продаж его на ярмарке. Это опять аргумент только от сегодняшнего дня, от слабости сырьевого рынка, когда сырье находит для себя немедленный сбыт. Конечно, сырьевые возможности ярмарки ограничиваются нашей системой заготовок, но отсюда еще очень далеко до отрицания значения ярмарки, как сырьевого рынка.

Недаром, чтобы сделать свою аргументацию вполне «убедительной», Торговая Комиссия вынуждена была и здесь, прибегнуть к цифрам неизвестного происхождения.

Так, в отношении завоза шерсти, цифры таковы:

	1911 г.	1922 г.	1923 г.
Цифры Торговой Комиссии («Торг.-Пром. Газета» № 26)	583 т. п.	84 т. п.	94 т. п.
В действительности	576 т. п.	103 т. п.	203 т. п.

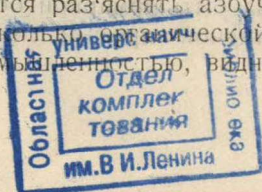
Общий же завоз сырья на ярмарку 1924 года явно неправильно исчислен Торговой Комиссией в 6% всего ярмарочного завоза вместо 9% (для получения этой цифры в общую сумму завоза были включены лесные материалы, которые нами исключаются во всех случаях, а Торговой Комиссией—только тогда, когда ей это удобно).

Кустарная промышленность.

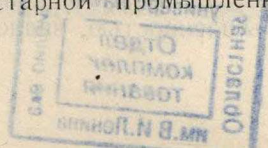
Спорить против громадного значения ярмарки для кустарной промышленности—значит спорить против очевидности. Но находятся любители и для таких споров, которым поневоле приходится разяснять азбучные вещи.

Насколько очевидной является связь ярмарки с кустарной промышленностью, видно хотя бы из того, что даже в

K 410542 P 4195.2

1917 году, когда ярмарка совершенно не удалась, кустарные изделия были единственной группой товаров, которые все-таки были в значительном количестве завезены и в этом году. Больше того, даже в 1918—1921 г.г., когда никакой ярмарки не было, кустари продолжали стекаться под осень в Нижний-Новгород по своим торговым делам. И теперь, вопреки ничем не обоснованному утверждению Торговой Комиссии, мы видим, что в 1924 г., несмотря на общее уменьшение ярмарочного оборота, по ряду кустарных товаров *оборот возрос даже в абсолютных цифрах*. Так, оборот с валяной обувью составил в 1923 году 1096 тыс. руб., в 1924 году 1536 тыс. рублей, оборот по изделиям из дерева—в 1923 г. 846 тыс. рублей, в 1924-м году—938 тыс. рублей. Тем более, значит, возрос удельный вес кустарных товаров в общем ярмарочном обороте. Столь же бесосновательно утверждение Торговой Комиссии, что ярмарка привлекает только кустарей ближайшего к Нижнему району. В действительности, мы видим на ярмарке кустарей из весьма широкого района. Так, изделия из дерева привозились не только из близкого к ярмарке основного района по производству ложкарных изделий—Семеновского, но и из Муромского, Владимирской губернии (сундуки), и из Татареспублики (предметы гужевого транспорта), и из Вятской губернии и Чувашской области (мягкая тара), и из Екатеринбургской губернии, и из Костромской, и из Московской (игрушки) и т. д.; или, по изделиям из шерсти, товары привозятся из Нижегородской, Вятской, Иваново-Вознесенской, Тверской губерний, из Татареспублики и т. д., словом, попрежнему ярмарка сохраняет свое значение для всего обширного района, радиусом в 300—500 верст, который охватывает до 12 губерний и областей и сосредоточивает не менее 40% всего количества кустарей европейской части Союза, включая в себя основные районы важнейших отраслей кустарного производства по обработке дерева, растительного волокна и металлов. Другой аргумент, который приводится для доказательства ослабления роли ярмарки в торговле кустарными товарами—это усиление промысловой кооперации, для которой будто-бы ярмарка не имеет существенного значения. Однако, Торговая Комиссия сделала бы не плохо, если бы до того, как выставить подобный аргумент,—справилась у самой промысловой кооперации. И вот каково ее мнение, выраженное представителем Всекопромсоюза на совещании при Совете Съездов биржевой торговли: «Нижегородская ярмарка является естественным центром для кустарной промышленности. Если мы посмотрим, что Нижегородская ярмарка, как говорилось некоторыми ораторами, должна быть ярмаркой областного значения, то увидим, что для кустарной промышленности эта

область является довольно значительной. Я вам ее напомним: Нижний—Пермь, Нижний—Череповец, Нижний до Смоленска и Нижний до Курска. Это побольше всякой административной области». И далее: «Что для кустарно-промысловой кооперации дает Нижегородская ярмарка? Она, по моему, дает все. С одной стороны она дает рынок сбыта, с другой стороны—рынок заготовок полуфабрикатов и сырья. Рынок сбыта для кустарной промышленности чрезвычайно необходим. Без него кустарная промышленность не может существовать... Для кустарной промышленности и кооперации ярмарка является естественным рынком, а Нижний-Новгород—центром этого рынка». И действительно, всякий, кто хоть немного знаком с реальными условиями торговли кустарей и объединяющих их кооперативных организаций, понимает, насколько трудно и дорого было бы для них посылать своих представителей в Москву, чтобы там искать то—сырье того или иного вида, то—продукты потребления, то—покупателя для своих товаров. Централизация всей торговой работы, которую может дать ярмарка, совершенно незаменима для кустарей и понятно, что точка зрения представителя центральной промысловой кооперации разделяется и местными организациями.

Промышленность на ярмарке.

Вопрос о выступлении на ярмарке государственной промышленности и результатах его, по мнению Торговой Комиссии В.С.Н.Х., является центральным вопросом. С этим можно согласиться, особенно, если говорить о центральном моменте в ряду причин, обусловивших *слабые стороны ярмарки*. Государственная промышленность, в лице своих центральных организаций не нуждавшаяся в нынешнем году в отыскании новых рынков, величественно уверенная, что покупатель сам будет бегать за ее продукцией, предпочитающая бюрократически распределять из кабинетов свои недостаточные товарные ресурсы, сделала все, что было в ее силах, для того чтобы ослабить ярмарку. Несмотря на то, что спрос значительно возрос, по сравнению с ярмаркой 1923 г., в 1924 г. все наиболее ходовые товары были завезены не только не в увеличенном, но в значительно уменьшенном количестве. Так, хлопчато-бумажных тканей было завезено в 1923 г. 111 тыс. пудов, в 1924 г. 118 тыс. пудов, в том числе товары направленные через ярмарку в отделения. Кожи выделанной и кожевенных изделий было доставлено 44 тыс. пудов, против 105 тыс. пудов 1923 г. Металлических изделий 151 тыс. пудов—против 298 тыс. пудов 1923 г., в том

числе чугунного литья 30 тыс. пудов — против 64 тыс. пудов. Стекланных и фарфоро-фаянсовых изделий 100 тыс. пудов — против 143 тыс. пудов и т. д. Впрочем, по мнению Торговой Комиссии В.С.Н.Х., это называется «приложить все усилия для того, чтобы представить нашу промышленность на ярмарке наиболее полно».

С другой стороны и тезисы Торговой Комиссии и Президиум В.С.Н.Х. утверждают, что «огромная часть привозимого на ярмарку товара не была реализована». На чем основано это утверждение? Единственно на том, что цифры учтенного привоза и учтенного вывоза товаров дают довольно значительную разность. Чтобы сделать это различие суммы ввоза и вывоза особенно разительным, Торговая Комиссия считает возможным пользоваться данными нашей брошюры, выпущенной еще первого октября, в которой было совершенно ясно сказано, что «данные о вывозе грузов пока далеки от окончательных итогов, так как значительная масса товара еще не вывезена». Далее, Торговая Комиссия упорно игнорирует указания «Ежегодников» 1922 и 1923 г.г. о неполноте учета данных по вывозу, которые имелись только по льготному тарифу. Но и в 1924 г. часть грузов, вывезенных собственным транспортом (водой и гужом), осталась неучтенной, так как данные по ввозу дополнялись и проверялись опросом фирм, в отношении же грузов, отправляемых с ярмарки, такой работы невозможно было провести. Но и при неполном учете, вывезенные грузы дают в 1924 г. 61,1⁰/₀ ввоза, а не те 43⁰/₀, которые фигурируют в тезисах Отдела Торговой Политики В.С.Н.Х., исчислившего этот процент за все три года сразу. Но в распоряжении Ярмарочного Комитета есть другая цифра остатка грузов, полученная путем опроса всех крупнейших ярмарочных фирм—500 тыс. пудов, и если эта цифра не может претендовать на абсолютную полноту и точность, то все-таки она гораздо ближе к истине, чем исчисления В.С.Н.Х. Чтобы убедиться в этом, обратимся к результатам торговли на ярмарке 1924 г. по основным видам товаров.

По *текстилю*. Едва ли кто-нибудь решится утверждать, что были затруднения в реализации хлопчато-бумажных тканей, составлявших 62,8⁰/₀ всего завоза тканей. Если же получились остатки в продаже суконных и льняных тканей, то это объясняется в высшей степени нерациональным ассортиментом тканей на ярмарке. Завоз суконных тканей увеличился по сравнению с прошлым годом на 36,2⁰/₀, при почти неизменившейся цифре завоза тканей хлопчато-бумажных. При этом надо еще отметить, что другие организации, кроме ВТС, имевшие суконные ткани, свой товар реализовали, а трудное положение на рынке суконных товаров; по утверждению всех держателей его,

было в значительной мере создано самим ВТС с его политикой принудительного ассортимента.

По *металлам*. Торговля чугунным литьем, посудой и всеми вообще предметами хозяйственного и домашнего обихода— прошла очень успешно. Расторговались также сортовым железом, и утверждение Торговой Комиссии о неудачах ярмарочной торговли металлами основано на совершенно неверных цифрах. Сначала тезисы Отдела Торговой Политики пытались утверждать, что завоз металлов в 1924 г. увеличился по сравнению с 1923 г., а вывоз упал. Когда же мы с цифрами в руках показали, что в действительности произошло обратное, и вывоз остался тот же при уменьшении завоза с 856 тыс. пудов до 636 тыс. пуд., т.-е. на 25%, то Торговая Комиссия, во первых, почему то усумнилась включать в завоз 1923 г. товары, привезенные без льготы, в то время как для 1924 г. у нее такого сомнения не возникает, а затем стала утверждать, что кровельное железо осталось на ярмарке в большей части непроданным, в то время как на ярмарке 1923 г. на него был большой спрос. Что реализация кровельного железа в 1924 г. была труднее, совершенно понятно, так как в 1923 г. оно составляло лишь 23% всего завоза металлических товаров, а в 1924 г. 53,5%. Но неверно и утверждение, что большая часть кровельного железа осталась непроданной. Мы уже говорили выше об остатках Уралмета, остальные же держатели кровельного железа (Загметалл НГСНХ и другие) расторговались им вполне успешно. Таким образом, металлический рынок в целом характеризуется повышенной конъюнктурой, которая менее всего дает право говорить о слабой реализации товаров. В отношении рынков *силикатных* и *кожевенных* товаров, даже такие друзья ярмарки, как Продасиликат и Кожсиндикат, не решаются отрицать, что товары не только были все реализованы, но и могли быть реализованы в еще значительно большем количестве, если бы только они были на ярмарке.

Для полноты картины укажем здесь же, что и непромышленные товары были в громадной части своей реализованы. Наибольший процент привоза (34,2%) дают *бакалейно-колониальные* товары, и из них 66,7% приходится на персидскую бакалею, которая была реализована, по крайней мере на 90% (рису не хватило и были заключены контрактные сделки), а остаток составил из низших сортов и товаров, привезенных к самому концу ярмарки. 25,0% падает на рыбу, табачные изделия, сахар и растительные масла, и на рынках всех этих товаров также наблюдалось определенное превышение спроса над предложением. Та же нехватка товаров наблюдалась и на шерстяном рынке настолько остро, что покупатели буквально

гонялись за каждой партией шерсти. То же и с остальными видами *сырьевых* товаров. Наконец, и в отношении *кустарных* товаров и *сельско-хозяйственных машин и охотничьих принадлежностей* наблюдалось по сравнению с 1923 г. увеличение в *абсолютных* цифрах оборота, при уменьшении завоза. Какие же, собственно, товары были плохо реализованы?

Конечно, остатки были, но за вычетом москательного-химических товаров, единственной значительной группы, по которой торговля прошла менее успешно, остатки эти были в тех пределах, какие совершенно неизбежны в торговле. Только при больном состоянии рынка, когда покупатель готов хватать все, что попало, возможна торговля без известного остатка; а при часто встречающемся неумении наших промышленников и торговцев дать подходящий ассортимент, тем более должны получаться остатки. Да к тому же еще на покупки 1924 года сдерживающее влияние оказала декларация о предстоящем снижении цен, сделанная накануне ярмарки, но висевшая в воздухе до самого конца августа, когда были объявлены новые цены на текстильные и кожаные изделия. В отношении же многих товаров неопределенность оставалась и до конца ярмарки и, в частности, именно ожидание снижения цен, затруднило реализацию москательного-химических товаров. Таким образом, не только ярмарка дала отличные коммерческие результаты по торговле завезенными товарами, но оборот ярмарки мог бы быть еще значительно увеличен. Правильно ли утверждение, что только недостаток товаров мешал синдикатам проявить свои нежные чувства к ярмарке? Если бы это было так, то синдикаты могли бы смягчить острое бестоварье заключением контрактных сделок, на которых настаивал покупатель, в лице кооперации.

Однако, за исключением синдикатов металлопромышленности, централизованная госпромышленность только под энергичным напором руководящих ярмарочных органов (Ярмарочного и Биржевого Комитетов), поддержанных центральными правительственными органами, пошла на заключение, совершенно недостаточных по числу и размеру, контрактных сделок. В продаже тканей контрактные сделки составили всего 19,6% оборота, силикатных товаров 22,5%, и то сделки заключены с исполнением на ближайший месяц. А между тем контракты, заключенные на ярмарке 1924 года, по полученным от организаций сведениям, пока очень успешно выполняются, и несомненно, что можно было значительно расширить число совершенно реальных контрактных сделок. Казалось бы и для самой промышленности имело большое положительное значение заключение такого рода сделок на рубеже хозяйственного года,

на основе выявившейся конъюнктуры. Это дало бы возможность иметь реальную базу для построения хозяйственного плана, ибо, как удачно выразился на заседании Ярмарочного Биржевого Комитета представитель Уралмета, почему то забывший свою точку зрения по окончании ярмарки: «Если мы разворачиваем программу на 30% на основании умных разговоров и умных заключений, то гораздо умнее будет разворачивать программу на основании заказов... Я не согласен, что здесь представлены синдикаты, которые не правомочны продавать товар; они достаточно правомочны продавать товар и на сентябрь, и на октябрь, и было бы не вредно, если бы они продавали товар до декабря» (цит. по стенограмме).

Не дав ярмарке достаточного количества товаров, уклонившись от контрактных сделок, основные держатели товаров тем самым сами снизили размеры ярмарочного оборота. А поэтому прежде всего к ним должна была бы Торговая Комиссия направить свои указания о небольшом удельном весе ярмарочного оборота, в общем обороте отдельных отраслей промышленности. Монополия синдикатов чувствовалась на ярмарке особенно остро, так как тресты были представлены на ней сравнительно слабо, и в то время как в общем обороте подведомственных В.С.Н.Х. органов, отношение оборотов синдикатов и других организаций за апрель—июнь 1924 г. определяется как 28:72, на ярмарке то же соотношение было 53:47. Из этого ясно, что на ярмарке 1924 г. выступление госпромышленности по причинам и объективного, и субъективного характера — было ненормально, и тем меньше права делать на основании опыта 1924 г. выводы об удельном весе ярмарочного торга в общем обороте с промышленными товарами.

Но независимо от этих соображений, надо признать в принципе совершенно неправильной попытку оценить значение ярмарки, исходя из отношения ярмарочного оборота к общему обороту. Мы уже видели выше, что никогда это отношение не было высоким, и не здесь лежит центр тяжести вопроса о значении ярмарки. Годовая работа постоянного аппарата, величина с ярмаркой несоизмеримая. Её задача не только, и даже не столько, дать возможность непосредственно реализовать товар, как найти новые рынки сбыта и новых покупателей, приблизить продавца к покупателю, дать указания о необходимом ассортименте, внести коррективы в построение хозяйственных планов, на основе выявившихся потребностей широкого рынка. И в этом отношении успехи ярмарки несомненны. По данным экономического обследования ярмарки, из 17 обследованных крупных металлических фирм, 6 заявили определенно, что ярмарка

расширила для них сбыт, 5 отвечают на этот вопрос тоже положительно, но с разными оговорками, в то же время 11 из этих фирм указывают, что ярмарка дала им те или иные материалы для построения хозяйственных планов. О приобретении новых районов сбыта и получении ценных указаний говорят также все обследованные текстильные фирмы, кроме ВТС. Из 41 государственной фирмы, выступавших с разными товарами, 16 говорят, что ярмарка дала им материал для построения хозяйственного плана и связи с новыми районами; остальные сообщают, что новых районов сбыта они не нашли, но в то же время констатируют получение ценных указаний в отношении спроса отдельных мест на определенный ассортимент товара и т. д. Выше, говоря о районах на ярмарке, мы уже привели некоторые аналогичные данные. Таким образом, надо признать, что даже в условиях бестоварья ярмарка может принести определенные положительные результаты государственной промышленности. Но, ведь, бестоварье не вечно, и в момент быстро растущей производительности нашей промышленности, не на него надо делать ставку. Уже сейчас чувствуются признаки перелома в торговой конъюнктуре, и, быть может, не за горами то время, когда промышленность должна будет сойти со своего пьедестала и заняться нелегкой работой по размещению своей продукции. Тогда Нижегородская Ярмарка со всеми теми возможностями, которые она открывает непосредственно и косвенно для расширения рынка, — окажется еще очень нужной для той же промышленности. И нужна полная утрата перспективы, чтобы не думать заранее об этом моменте.

Но тут выдвигается последний и самый коренной аргумент: ярмарка стала ненужна с созданием разветвленной сети торговых организаций. От этого аргумента, прежде всего, тоже сильно пахнет московской спесью. Можно подумать, что вся торговля покрывается синдикатами, и что можно игнорировать местную торговлю, которая не имеет и не должна иметь этой разветвленной сети представительств. А выход на широкий рынок ей нужен, и поэтому для нее ярмарка имеет незаменимое значение. Оборот местных торгов все время растет, и они уже могут смело потягаться с оборотами синдикатов. Но и из синдикатов и трестов только очень немногие (ВТС, Кожсиндикат, Сахаротрест, Резинотрест, Швейсиндикат) имеют действительно широкую сеть отделений. Другие же не имеют возможности создать сеть, глубоко проникающую в потребительскую толщу. Да и те синдикаты, которые недавно еще увлекались все большим и большим расширением торговой сети, — уже перешли границы рационального с коммерческой точки зрения и вынуждены закрывать ряд отделений. Действительно широко раз-

ветвленная сеть обходится слишком дорого и ложится слишком тяжелым накладным расходом на потребителя. Торговая Комиссия пробует утверждать наличность достаточно тесной связи синдикатов с широким рынком, указывая на увеличение числа и оборота провинциальных отделений. Но управляют все эти отделения из центра, и в них крепко гнездятся все отрицательные стороны чрезмерной централизации, вырождающейся в главкизм. В печати достаточно приводилось указаний о неумении синдикатских отделений удовлетворить рынок, а на совещании о ярмарке при Совете Биржевых Съездов представителям централизованной промышленности пришлось выслушать от кооператоров много горьких истин о «великодержавности» их методов торговли, противопоставляемых ярмарке. И во всяком случае никогда не может покупатель иметь в синдикатском отделении тот разнообразный ассортимент, который он может найти на ярмарке. Не удастся синдикатам по настоящему и «прощупать рынок» через эти свои бюрократические аппараты и ярмарка, которая ставит синдикаты лицом к лицу с широким потребителем, — может влить живую струю в эту бюрократизированную форму торговли. Сегодня, когда синдикаты не ищут рынка, ярмарка им, продавцам, не нужна. Но здоровый государственный подход требует, прежде всего, оценки всякого хозяйственного института с точки зрения интересов широких потребительских масс рабочих и крестьян. А точка зрения потребителя в достаточной мере нашла свое отражение в стремлении на ярмарку со стороны кооперации. И синдикаты имели бы право отрицать нужность для них ярмарки только в том случае, если бы они действительно, не со своей точки зрения, а с точки зрения самого потребителя, умели удовлетворить его через отделения.

Но ярмарка имеет важное значение и для самой промышленности и для государства в целом еще и с другой стороны. Ярмарка является годичным смотрам промышленности. Ярче, чем где-нибудь, здесь выясняются все ее успехи и недочеты, лучше, чем где-нибудь, можно тут наметить пути к устранению последних. И с этой точки зрения ярмарка не только не противоречит принципам планового хозяйства, как иногда утверждалось, а наоборот, дает исключительно ценный материал для построения всякого рода планов и в отношении отдельных отраслей народного хозяйства и всего хозяйства в целом. Вместе с тем создание централизованного, но тесно связанного с местами рынка, в высшей степени облегчает и всякого рода прямое или косвенное воздействие на рынок.

Все это насущно нужно и возможно, конечно, только на ярмарке всесоюзной.

Кооперация на ярмарке.

«Выступление низовой кооперативной периферии на ярмарке 1924 г. не привело к близкому ознакомлению и изучению ее, вследствие более чем скромного ее участия в общем кооперативном обороте» говорит постановление президиума ВСНХ. Здесь как будто бы спор идет не о принципе (и ВСНХ считает, что ознакомление с кооперацией на ярмарке очень важно), а только о факте. Поэтому установим прежде всего факты.

На ярмарке 1923 г. принимало участие 252 кооперативных организации, в том числе 140 организаций средней и 87 низовой кооперации. В 1924 г.—660 кооперативных организаций, и в том числе 203 средней и 447 низовой кооперации. Цифры сами по себе довольно внушительные, но они становятся еще более яркими, если проанализировать состав ярмарочных кооператоров. Средняя кооперация и рабочие кооперативы представляли буквально весь Советский Союз—от Белоруссии до Дальнего Востока и от Закавказья и Крыма—до Архангельска. Достаточно сказать, что из общего числа союзных объединений, входящих в Центросоюз 91, т.-е. 46,4% всех организаций был представлен на ярмарке. Далее, в составе кооперативных организаций имелись Церабкопы, ТПО и городские ЕПО, тоже из всех районов, до ТПО Уссурийской ж. д.—включительно. Наконец, была широко представлена сельская кооперация Поволжского и прилегающих районов. Такой исключительно широкий торговый съезд кооперации был одинаково важен и для самих приехавших, получивших возможность узнать широкий рынок и сблизиться с ним, и для центральных органов кооперации, на настоящей торговой работе лучше, чем где-нибудь, имевших возможность узнать своих членов, их потребности и силы; наиболее важен этот съезд был бы может быть для промышленности, желающей и умеющей взять правильную линию. Но наших промышленников, очевидно, мало интересует узнать потребности рынка (и так-мол берут, что дают), а превращение кооперации, с которой на местах можно не церемониться, в серьезную силу,—очевидно, пришлось им не по нутру. Вся ярмарка прошла под знаком борьбы между госпромышленностью и кооперацией. Первая настроена была, направляясь на ярмарку,—брать до 50-80% наличными*), навязывать в значительном проценте неходовые товары принудительного ассортимента, отказывать в гарантиях на случай снижения цен и т. д. Сплоченное выступление местной кооперации, под ру-

*) См. заявления представителей В. Т. С. и Продасиликата в Торговой Комиссии В. С. Н. Х., опубликованные в № 228 «Эконом. Жизни» от 9 июля 1924 г.

ководством ее центральных организаций, заставило госпромышленность сильно умерить свои аппетиты; и здесь тоже ярко сказалось, что потребителю и потребительским организациям ярмарка нужна.

Но вернемся к цифрам. Правильно ли утверждение ВСНХ о слабости оборотов местной кооперации на ярмарке? При этом нельзя, как это делает ответ Торговой Комиссии, выделять только низовую кооперацию, ибо нашим центральным хозорганам еще не в меньшей степени надо найти общий хозяйственный язык и с кооперацией районной. В 1923 г. действительно наблюдалось доминирование в кооперативном обороте центральных организаций, на долю которых пришлось 87% всей кооперативной покупки. В этом году на кооперацию среднюю и низовую падает уже 54% всей кооперативной покупки, а в покупке только потребительской кооперации даже 67,3%. Однако, покупку центральной кооперации надо тоже принимать с большими оговорками, ибо во многих случаях центральные кооперативные организации, закупив товар на ярмарке, тут же распределяли его между местными организациями, к которым товар и шел непосредственно с ярмарки. Это очень наглядно видно из сопоставления цифры покупки центральных кооперативных организаций—46%, с цифрой вывоза товара в адрес центральных кооперативных организаций, достигающей всего 11%. Таким образом, 89% всех кооперативных отправок или 45,3% всего ярмарочного вывоза шли непосредственно в адрес присутствовавших на ярмарке местных кооперативных организаций. И надо думать, что по мере роста финансовой мощи средней и низовой кооперации, все больше она будет непосредственно вести дела на ярмарке с держателями товаров, наглядно опровергая тем утверждение о невозможности изучения и приближения к кооперации на ярмарке. Чтобы покончить с вопросом о значении ярмарки для кооперации, послушаем, что говорит сама кооперация. Выше мы привели заявление представителя Всекопромсоюза. На том же заседании, обсуждавшем итоги ярмарки, представитель Центросоюза говорил: «принесла ли ярмарка 1924 г. пользу потребительской кооперации, которую объединял на ярмарке Центросоюз? Мы утверждаем, что ярмарка принесла эту пользу... Когда мы закрывали ярмарку, мы говорили: ярмарку трудную пережили, да здравствует ярмарка 1925-го года... Ярмарка нам нужна, как отражающая действительное положение крестьянского рынка, а контрактные сделки нам нужны, как меньшее зло, вместо того, что мы вырабатываем случайные ассортименты, принудительно ими нагружаем низовую кооперацию и заstopориваем их оборотные средства» и т. д. Предста-

витель Сельскосоюза: «Есть ли у нас рынки краевые, областные, районные? У нас их нет. И мы к этому только идем. Нужен какой-то центр в этой системе торговли, и таким центром будет являться лучше всего Нижегородская ярмарка» и проч.

В том же духе высказываются и представители местной кооперации, бывшие на ярмарке. Из 38 обследованных кооперативных организаций, только 2 не считают ярмарку для себя нужной. И если в этом году кооперация использовала ярмарку только, как покупатель, то, по мере укрепления крестьянского хозяйства и кооперации, все в большей степени кооперация будет выступать и как продавец.

Ответ Торговой Комиссии пробует противопоставить нашему экономическому материалу, анкету, произведенную Центросоюзом перед ярмаркой, показавшую будто бы нежелание значительной части кооперативных организаций выехать на ярмарку. Мы не видели данных этой анкеты, но готовы поверить на слово, что многие кооперативные организации не считали нужным выехать на ярмарку. Что же это доказывает? Это доказывает только здоровый подход кооперации к делу, и показывает, что *на ярмарку явились только те, кто в ней действительно был заинтересован*. Но поскольку мы видели, что участие кооперации в ярмарке было *очень широким*, это только еще более выпукло подчеркивает действительную заинтересованность кооперации в ярмарке, в противовес раздававшимся иногда утверждениям о каком-то искусственном притягивании на ярмарку.

Чтобы как-нибудь затушевать твердую позицию кооперации в отношении к ярмарке, тов. Манцев, в заседании президиума ВСНХ, попытался даже утверждать, что представитель Центросоюза в Торговой Комиссии, тов. Тищенко, в конце концов склонился к признанию только областного значения за Нижегородской ярмаркой. Но это вызвало резкую отповедь со стороны тов. Тищенко, заявившего печатно, что «Совещание кооперативных организаций, состоявшееся в 1924 году, накануне закрытия Нижегородской ярмарки, подчеркнуло ее всеобщее значение и констатировало, что только благодаря ее деятельности удалось наиболее полностью осуществить установление торговых связей кооперации с госпромышленностью. Выдвинутое представителями госпромышленности мнение о преимуществах торговой системы трестов и синдикатов в смысле выявления требований сбытового рынка, оказалось также несостоятельным. Это подтверждается широким притоком на ярмарку союзной и низовой кооперации, которая убедилась, что существующие торговые органы не вполне могут нащупать ры-

нок и удовлетворить возрастающий спрос через свой местный аппарат». («Кооперат. Путь», 1925 г., № 30). В том же номере «Кооперативного Пути» опровергнута ссылка Торговой Комиссии на доклад представителя Центросоюза о ярмарке 1923 г., из которого, как оказывается, Торговая Комиссия вырвала отдельную фразу, которая показалась ей «подходящей», замолчав все остальное.

И, подводя итог спору о ярмарке, орган Центросоюза заявляет: «Ярмарка нужна. Она нужна госпромышленности, заинтересованной в расширении сбыта; нужна кооперации, которой она дает выход за узкие границы торговой кооперативно-синдикалистской иерархии; нужна стране, как один из испытанных способов смыкания госпромышленности с крестьянским хозяйством». (стат. Л. Паперного, «Поменьше экспериментов»).

К р е д и т и л ь г о т ы .

Не имея возможности оспорить тягу кооперации на ярмарку, ВСНХ пробует объяснить ее привходящим моментом, в виде стремления использовать транспортные и налоговые льготы и льготный кредит на ярмарке. Конечно, ярмарочные льготы стимулируют участие на ярмарке: иначе не за чем было бы их устанавливать. Но действительно ли этот момент играет столь существенное значение? Льготы в нынешнем году, как известно, были чрезвычайно сужены. Так, на внутренние водные перевозки совершенно не распространялись тарифные льготы, налоговые же льготы распространялись только на сделки по товарам, завезенным на ярмарку. Тем не менее, как мы уже видели, перевозки по водным путям только возрасли, и покупатели стремились к заключению контрактных сделок, на которые никакие льготы не распространялись. Значит, не в льготах тут главная сила.

Что касается кредита, то здесь, прежде всего, надо остановиться на цифрах Торговой Комиссии ВСНХ. В тезисах Отдела Торговой Политики ВСНХ кредитование ярмарки было исчислено, ни много, ни мало, в 43,7% к общему обороту. Получилось это потому, что составители тезисов два раза включили кредитование по ОВР. Когда эта ошибка была им указана, ответ Торговой Комиссии не нашел другого основания для объяснения ее, как «корректорской ошибкой», хотя эта «корректорская ошибка» состояла из вставки в несколько строк с вычислением процента и проч. Однако в ответе Торговой Комиссии устранены еще не все «корректорские ошибки» по вопросу о кредите. Цифру кредитования ярмарки 1924 г., в размере 23,8 миллионов рублей, ответ Торговой Комиссии сравнивает с кредитованием ярмарки 1923 г. в сумме 23,3 миллиона

рублей, в которую кредитование по О. В. Р. не входит, и этим способом получается увеличение кредитования с 11% до 31,3%. Если же перейти к существу дела, то, конечно, последнюю цифру надо признать совершенно непоказательной, особенно когда речь идет о привлечении на ярмарку путем расширения и облегчения условий кредитования. Кредит по ОВР был чрезвычайно тяжел в этом году для кооперации, так как он производился под обеспечение товара в размере 125% кредитуемой суммы, причем в большинстве случаев товар должен был отдаваться банку «под замок». А между тем, именно этой формой кредитования в наибольшей степени должна была пользоваться местная кооперация в силу недоверия Госбанка к ее кредитоспособности. Жалобы кооперации на затруднительность для нее условий кредита по ОВР не прекращались в течение всей ярмарки, и поэтому менее всего можно думать, что такого рода кредит послужил основной причиной стремления на ярмарку. Прямое же кредитование составило не 31%, а всего около 20% ярмарочного оборота, причем наиболее широко оно предоставлялось как раз центральным государственным организациям.

Наконец, остановимся еще на одном аргументе против ярмарки, который усиленно муссируется представителями тех же синдикатов. Мы имеем в виду разговоры о тех чрезвычайных расходах, которые приносит ярмарка государству и торговцам. В свое время всю Москву обошла цифра в 10 миллионов, которою какой-то досужий хозяйственник определил стоимость ярмарки. Что касается стоимости ярмарки для государства, то речь собственно может идти не о расходах государства, ибо ни одной копейки на ярмарку не затрачивается, и тот кредит, который в 1923-м году был предоставлен на строительство ярмарки, использован был в небольшой доле, причем вся полученная в счет этого кредита сумма (60 тыс. руб.) уже в сентябре 1923-го года была возвращена Наркомфину. Значит, можно говорить не о расходе, а только о недоборе правительственных органов, вследствие применения льгот. Наркомвнуторгом произведены исчисления этого недобора и оказалось, что для 1924 г. максимально он выражается по налоговому обложению в 854 тыс. рублей и по перевозкам и хранению грузов в 278 тыс. рублей. Если прибавить еще сюда 10 тыс. рублей недобора по Госстраху, то максимальная цифра недобора вследствие применения льгот определится в 1142 тыс. рублей. Но было бы совершенно неправильно считать и эту не слишком большую сумму прямым ущербом для государства. Ярмарка, ускоряя и усиливая товарооборот и грузооборот, в значительной мере сама создает те новые источники обложения, которые только оказываются не в полной мере использованными.

ми с фискальной точки зрения в силу применения льгот. И, во всяком случае, та народно-хозяйственная польза, которую приносит ярмарка, с избытком покрывает этот финансовый минус. В качестве излишнего расхода торгующих организаций выдвигаются два момента: организационные расходы по ярмарке и ломанные тарифы, вследствие перевозок грузов через Нижний-Новгород. Здесь, прежде всего, получается любопытное противоречие. С одной стороны говорится, что ярмарочные льготы настолько велики, что только из-за них и едут на ярмарку, а с другой стороны оказывается, что ярмарка приносит лишние накладные расходы. И так как расходы эти, конечно, в большей своей части перелагаются на потребителя, то неверно было бы утверждение, что одни пользуются всеми благами ярмарочных льгот, а другие несут все тяготы ярмарки. Насколько неправильно утверждение, что ярмарка должна вызывать излишние расходы торгующих организаций, видно хотя бы из того, что некоторые организации считали возможным снизить цены ввиду того, что ярмарочные льготы давали возможность сделать это без ущерба, очевидно, по покрытии всех добавочных накладных расходов. Самый размер накладных расходов разных организаций колеблется очень значительно, и мы имеем заявления некоторых организаций о том, что накладные расходы их на ярмарке меньше обычных накладных расходов. Таково было, например, утверждение представителя Госрыбторга на заседании Ярмарочного Комитета, представителя Госторга — на заседании в Совете Съездов биржевой торговли и т. д., и если в то же время В.Т.С., Продасиликат или Кожсиндикат заявляют, что ярмарка усиливает для них накладные расходы, то вывод напрашивается сам собой, и вывод отнюдь не в пользу торговых талантов этих организаций.

Но зачем же сваливать это неприятное обстоятельство на ярмарку!

Столь же мало убедителен аргумент о ломаном тарифе. Помимо того, что излишний расход в значительной мере компенсируется льготами, и таким образом не оказываются в убытке ни Н.К.П.С., ни торговые организации, — система отделений, которая в этом случае противопоставляется ярмарке, отнюдь не избавляет от ломаного тарифа. Если взять, например, Продасиликат, особенно напирющий на этот аргумент, с его шестнадцатью отделениями, то ведь все равно товар привезенный в отделения, потом придется переотправлять в пределах того широкого района, который должны обслуживать отделения при таком числе их. И ярмарка требует тоже только одного перелома в пути, так как с нее товар направляется непосредственно на места.

Кон'юнктура и цены.

Вопрос о роли ярмарки для выяснения торговой кон'юнктуры во всеобщем масштабе и о влиянии ярмарки на ценообразование почти не затрагивается в последних выступлениях против ярмарки, но был предметом большого спора в предшествующей полемике по вопросу о ярмарке.

Тезисы Совета государственной промышленности и торговли дошли до утверждения, что «торговая кон'юнктура рынка на Нижегородской ярмарке не только не выявлена для данного момента и последующего операционного года, но дает самые противоречивые показания», т. к. небольшой оборот ярмарки будто бы давал ложную картину пониженной кон'юнктуры. Трудно привести более неожиданный аргумент. Неужели же авторы его, люди в торговле казались бы грамотные, думают, что кому-нибудь пришло в голову на ярмарке определять кон'юнктуру, основываясь на голой цифре ярмарочного оборота? Соотношение же спроса и предложения ярмарка выявила очень ярко и совершенно правильно, дав на фоне общей высокой кон'юнктуры ряд конкретных указаний. Теперь, когда со времени ярмарки прошло уже полгода, можно твердо сказать, что кон'юнктура была выявлена правильно на длительный период. И неверно было бы утверждение, что для констатирования высокой кон'юнктуры ярмарка была совершенно не нужна, так как и без того мол это было ясно. Легко стало так рассуждать после ярмарки, но кон'юнктурные обзоры пред'ярмарочного периода с большой уверенностью подходили, например, к оценке состояния текстильного рынка, и именно ярмарка дала возможность Госплану прийти к окончательному суждению о состоянии рынка. «Мы можем засвидетельствовать, что для Госплана и СТО обстановка, сложившаяся в Нижнем, явилась очень ценным кон'юнктурным показателем», заявил Н. Н. Виноградский («Экон. Жизнь», 1924 г., № 333), и аналогичное утверждение его в заседании Президиума Госплана не вызвало возражений ни с чьей стороны. Именно ярмарка совершенно отчетливо сигнализировала то бестоварье, под знаком которого прошло все истекшее полугодие. Но быть может еще важнее значение кон'юнктурных показателей ярмарки по отдельным видам товаров, и здесь мы имеем ценные показания целого ряда фирм (Всекопромсоюз, Центросоюз, Нижвалтрест, Вятторг, Хлебопродукт, Ивтекстиль, Промвоенорг, Центробумтрест, Крымконсервтрест, Донгостаб-фабрика, Тулпромторг, Э. Т. Ц. Р., Цато, Винсиндикат, Тамбшвейпром и мн. др.) о тех важных указаниях кон'юнктурного характера, которые дала им ярмарка.

Разговоры о том, что ярмарка способствовала повышению

цен, повидимому, надо считать теперь ликвидированными, и только для полноты укажем, что по тем товарам, на которые ярмарка вообще могла влиять, т. е. для которых нет установленных Наркомвнуторгом цен—бакалея, кустарные товары и пр. скорее наблюдалась тенденция понижения цен, например, на сухофрукты. Но правильнее всего будет характеризовать состояние ярмарочных цен, как стабильное, с мелкими только колебаниями в зависимости от различных причин. И эта стабильность, в обстановке, которая была чрезвычайно благоприятна для ажиотажа, является крупным достижением ярмарки. В то же время ярмарка способствовала нивелированию цен, заставляя организации с более высокими ценами, в силу конкуренции, подравнивать свои цены под минимальные. В условиях обычных, не ярмарочной торговли, этот момент неравенства цен не выступал достаточно отчетливо.

Ярмарка или торговый съезд.

Все это хорошо, говорят некоторые, смотр промышленности, и съезд торгующих со всего Союза, и заключение контрактных сделок в течение определенного краткого периода—все это вещи нужные. Но зачем же ярмарка и при чем тут Нижний? Не проще ли устраивать один-два раза в год торговый съезд в Москве, и на нем, без особых хлопот и расходов, выявлять рынок, определять конъюнктуру, знакомиться с требованиями мест и заключать контрактные сделки.

От такого рода построений веет жесточайшей кабинетностью, полной оторванностью от реальных условий нашего торгового быта. Мы еще далеко не доросли до такого уровня торговой техники, когда можно всецело перевести торговлю на рельсы контрактного оборота. Стандартизация товаров идет у нас с чрезвычайной медленностью и, кроме хлебных и некоторых сырьевых товаров, стоит еще на крайне низком уровне. Аппараты торговых и промышленных организаций налажены настолько слабо, что не только покупатель, но и сам продавец очень часто не может быть уверен, что контракт может быть выполнен с достаточной точностью и в смысле ассортимента, и в смысле срока. Еще не скоро будет изжито стремление торгующих самолично осмотреть и ощупать товар и немедленно же отправить его на место. Целый ряд групп товаров, например, товары кустарные, кожсырье и другие, особенно трудно могут проходить по образцам. Стремление покупателей к получению наличного товара можно было с полной наглядностью наблюдать на ярмарке. Из всех обследованных фирм—75% безоговорочно заявили, что торговля по образцам крайне

затруднительна, другие же считают возможным развитие такой торговли только по определенным видам товаров. Конечно, бывает и такая точка зрения, исходящая, очевидно, из глубокого пренебрежения к интересам покупателя, что предпочтительна торговля «по образцам (контрактовым сделкам), так как торговля наличным товаром ведет к лишним расходам,—опасение же, что русский покупатель не привык к личному осмотру и уменьшит свои закупки—не имеет значения—поскольку спрос превышает предложение», но не трудно догадаться, что такое изречение могло появиться только в анкете В. Т. С.

Таким образом, переход на чисто контрактный торг пока не возможен. Ярмарка должна сохранить свой товарно-контрактный характер. И особенно необходим товарный элемент ярмарки для низовой кооперации и восточных купцов, т.-е. как раз двух групп торгующих, которые наиболее важны для выполнения ярмаркой тех заданий, которые перед ней стоят.

Поскольку же товарный торг составляет необходимый элемент ярмарки, слишком очевидно, что Н.-Новгород, расположенный в центре важнейших водных путей, являющийся аванпортом для Москвы, расположенный на рубеже сырьевых и промышленных районов, дает исключительно благоприятное сочетание географических и экономических моментов для создания такого Всесоюзного торга. И неужели же можно думать, что какой-то случайностью объясняется трехсотлетнее тяготение к Нижнему, как торговому центру, несмотря на все более выдвигавшуюся и в довоенное время роль Москвы и Ленинграда, как центров всей экономической жизни страны.

Кто же против ярмарки?

Мы постарались шаг за шагом рассмотреть все сколько-нибудь существенные аргументы противников ярмарки, и мы имели возможность фактами и цифрами показать их полную необоснованность. Нужно было бы очень низко ценить торговые способности наших красных купцов, чтобы думать, что они не сумели понять того большого значения, которое может иметь и имеет для них ярмарка. И действительно, если мы обратимся к вопросу о том, как же в конечном итоге расценивается ярмарка самими торгующими, то перед нами предстанет совсем иная картина, чем та, которую пытается нарисовать Торговая Комиссия ВСНХ. В анкете, произведенной на ярмарке, из 18-ти обследованных металлических фирм, за целесообразность ярмарки высказалось 15, из 7-ми текстильных—6 (т. е. все обследованные, кроме ВТС), из 38-ми разных госфирм—33,

из опрошенных торгов—все кроме двух и т. д. Мнение кооперации мы уже привели выше. Торговая Комиссия попыталась противопоставить нашему обследованию—обследование, произведенное Наркомвнуторгом. Но, чтобы получить нужную ей картину, Торговая Комиссия должна была вырвать отдельные замечания, подобрав их из ответов нескольких крупнейших организаций. Между тем если просмотреть все ответы, полученные Наркомвнуторгом, то картина получится совершенно иная. Ответы с мест от Губвнуторгов получены пока в очень небольшом числе, но из имеющихся все без исключения говорят в пользу ярмарки. Однако, даже из крупнейших организаций только 10 высказываются определенно против ярмарки, три—не дают отчетливого ответа, а 16 ясно указывают положительные стороны ярмарки. Чтобы показать, в чем именно усматривается значение ярмарки, приведем для примера несколько выдержек. Вот что заявили представители четырех крупнейших держателей металло-товаров при экономическом обследовании, произведенном на ярмарке: «Ярмарка дала почти точные ориентировочные материалы для построения определенного плана деятельности. Дала ценные указания выяснить перспективы по возможному будущему сбыту, исходя из чего выявила и конъюнктуру будущих заготовок, и очевидную тенденцию к частичному снижению цен». «Для построения плана выявила интенсивность спроса на некоторые виды товаров, благодаря чему план деятельности наших заводов придется в некоторой степени изменить. Для определения конъюнктуры дала в полной мере, как в отношении цен, так и сбыта и заготовок... Нижегородская ярмарка служит местом, где организованный потребитель может в одном месте видеть все то, чем богата наша промышленность и что подходит ему для его потребления. Организованный продавец здесь видит, что надо потребителю, видит—чем торгует его конкурент... Словом, ярмарка ставит нашу фабричную и заводскую промышленность на истинный путь качественной конкуренции». «Для определения конъюнктуры—цены на сортовое железо нуждаются в понижении, на литье нет. Заготовку последних необходимо увеличить, так как сбыт в перспективе должен быть хорошим... Ярмарка явилась экзаменом для покупателей и продавцев... Промышленность Республики сблизилась с потребителем и может влиять на производство, в смысле качества и ассортимента вырабатываемых товаров». «Для построения плана—да, в смысле увеличения производства некоторых предметов широкого потребления, значительный спрос на каковые предъявили средняя и низовая кооперация» и т. д.

Или вот выдержки из анкеты Наркомвнуторга: Бюро Северо-Западной области—«Ярмарка дала областным участникам

ясные указания на несоразмерность весьма высоких цен на целый ряд товаров областной промышленности, в сравнении с ценами на продукцию, представленную другими промышленными районами. Однако, наиболее ценным является несомненно установление связей с новыми потребляющими районами и реальные сведения о товарном ассортименте, которого следует придерживаться при ориентировке на широкий потребительский рынок»; Промвоенторг—«Нижегородская ярмарка настоящего года, хотя и не дала нам большой материальной выгоды, но явилась весьма ценной в качестве проводника к рекламированию и продвижению нашей продукции»; Шелкоправление—«Своим выездом на ярмарку трест лицом к лицу встретился с тем покупателем, которого он давно не видал, показал всей восточной части Республики, какие товары он работает, напомнил о своем существовании и персидским купцам»; Швейсиндикат—«Ярмарка связала нас с непосредственным потребителем, дала нам возможность продвинуть нашу продукцию в те районы, где до сих пор таковая не проводилась»; Сетеснасть—«Истекшую третью Советскую Нижегородскую ярмарку мы считаем вполне удачной и в высшей мере полезной для нас, представитель государственной промышленности, для осуществления реальной смычки потребителя с госпроизводством» и т. д. и даже Уралмет: «Что касается вопроса о значении ярмарки для наших заводов, то таковая, как база для продажи сплавляемых по Каме и Волге металлоизделий,—является весьма желательной.

Кто же против ярмарки? Каким образом вокруг ярмарки создается такая шумиха, что со стороны кажется, будто все против нее? На этот вопрос можно ответить совершенно определенно. Против ярмарки немногочисленные Московские торгово-промышленные верхушки, которым в полосу бестоварья не нужно считаться с интересами потребителя, которые считают для себя удобным крепко держать в своем кабинете бразды правления и не любят, когда многолюдное и шумное ярмарочное торжище заставляет их покинуть уютную тишь кабинета и выступить на широкое поле открытой торговой работы, лицом к лицу встретиться с массовым потребителем.

Точку зрения синдикатов на этот раз отразил и Высший Совет Народного Хозяйства. Однако, его голосу можно противопоставить положительную оценку, данную ярмарке и ее значению в народно-хозяйственной жизни и Наркомвнуторгом, и Рабоче-Крестьянской Инспекцией, и Государственной Плановой Комиссией. Рабоче-Крестьянская Инспекция составила свое суждение на основании тщательного обследования ярмарки и проверки на месте всех данных о ней.

Оценка, данная ярмарке Госпланом, избавляет нас от обязанности доказывать, что ярмарка вполне совместима с системой планового хозяйства. «Волга является той артерией, говорил на заседании Госплана Г. М. Кржижановский, которая ведет нас в то крестьянское царство, которое представляет основную ось нашего дальнейшего экономического развития. Судьбы Волжского крестьянства—это на три четверти—судьбы крестьянства вообще. Колоссальный район сельско-хозяйственной продукции и развития кустарных промыслов, примыкающих к р. Волге, будет искать выходов для своей продукции по линии р. Волги. Вот это обстоятельство нам необходимо учесть при рассмотрении вопроса о Нижегородской ярмарке... Я склонен думать, что у Нижегородской ярмарки есть будущее, которое не укладывается в те экономические отношения, которые были в прошлом. При новых экономических отношениях, нужно учесть новые директивы... Проблема Нижегородской ярмарки может быть разрешена только с точки зрения тех новых путей, по которым пойдет развитие нашего государства. С этой точки зрения те возражения, которые делались против Нижегородской ярмарки—являются несущественными. При наших новых условиях, решающим экономическим фактором является пробуждение воли к труду у нашего крестьянства»... И в результате внимательного обсуждения вопроса о Нижегородской ярмарке президиум Госплана в заседании 23 декабря 1924 года постановил: «а) признать, что Нижегородская ярмарка играет чрезвычайно большую роль в деле торговых сношений Центрально-Промышленного района с Сибирью, и с другой стороны—ярмарка эта имеет для С. С. С. Р. специфическое значение, находясь на р. Волге, и соединяя по этой водной артерии Центрально-Промышленный район с широкими массами крестьянского населения Поволжья и с восточными странами; б) признать, что успех ярмарки 1925 г. зависит, в первую очередь, от своевременной и надлежащей подготовки ее, ввиду чего предложить Наркомвнutorгу приступить к подготовительным мерам, обратив особое внимание на: во первых—своевременное выявление всех участников ярмарки, во вторых—подбор товарных масс и своевременную их доставку на ярмарку, с максимальным использованием водных путей, в третьих—выработку размера и системы кредитования ярмарочного торга, в четвертых—необходимость всемерного развития обмена с восточными странами; в) предложить ВСНХ, Наркомвнutorгу, НКВД и НКФ оказать Наркомвнutorгу всемерное содействие в исполнении заданий, указанных в статье II-й».

Своим постановлением Госплан призывает всех прекратить бесплодные споры и приступить к живой, практической работе

над большим делом — подготовкой ярмарки 1925 г. Время не ждет, ежегодный период ярмарки приближается, и недопустимо, чтобы он застал наши хозорганы неподготовленными.

Пора кончать эту, не нами начатую, полемику, которая уж и без того достаточно затруднит планомерную подготовку к ярмарке. Но пока еще не поздно. Опираясь на постановление руководящих государственных органов, Ярмарочный Комитет, под руководством Наркомвнурга, приступает к работе по подготовке. Он зовет к этой живой работе все не утратившие торгового чутья торговые и промышленные организации, от синдиката — до отдельного завода и от Центросоюза — до первичного кооператива.

Нижегородская ярмарка в этом году должна оправдать те надежды, которые возлагает на нее правительство. «Привлекая большие потоки товаров, Нижегородская ярмарка может и должна оказать свое организующее и регулирующее влияние на товарный оборот... Государственные и кооперативные организации имеют случай достигнуть с помощью ярмарки новых успехов в деле завоевания рынка и упрочения своих позиций на нем» — сказано было в телеграмме Председателя С. Н. К. тов. А. И. Рыкова от 5 августа 1924 года.

«Когда я об'езжал Нижегородскую ярмарку и наряду с разрушенными домами видел дома новые, говорил ранее т. Рыков, то мне казалось, что это картина всей России: мы сломали старый строй и создали новый советский строй». Эта трудная восстановительная работа делалась не на один-два года и теперь, когда ярмарка закончила свой первый строительный период, тем больше сил можно направить на внутреннюю организационную работу.

Мы уверены, что в этом сложном деле, как и в предыдущие годы, мы в первую очередь найдем поддержку со стороны всех местных организаций и об'единяющих местную торговлю товарных бирж и Губвнургов и со стороны об'единяющих местную промышленность Губсовнархозов.

За работу!

15 февраля 1925 г.

Нижний-Новгород.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

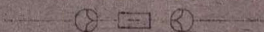
Типография Нижегородского Ярмарочного Комитета.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

Виды: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.

ИЗДАНИЯ
НИЖЕГОРОДСКОГО ЯРМАРОЧНОГО КОМИТЕТА

1. „НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА“.

Справочник и путеводитель, 1923 год.

2. ОТЧЕТНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ. 1922 год.

3. С. В. МАЛЫШЕВ. Всесоюзное торжище.

Краткий очерк Нижегородской Ярмарки 1923 г.

4. А. Е. ХОДОРОВ. Нижегородская Ярмарка и страны
Востока.

5. ОТЧЕТНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ. 1923 год.

6. 3-я СОВЕТСКАЯ НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА.

Льготы ярмарочной торговле.

7. С. МАЛЫШЕВ. Нижегородская ярмарка 1924 года.

8. С. МАЛЫШЕВ. Противникам Нижегородской Ярмарки.

Печатается и скоро выйдет:

ОТЧЕТНЫЙ ЕЖЕГОДНИК НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ
1924 год.

НГОУНБ

1 2 0 9 6 2 6

